

Специфика безобъектной парадигмы отрицательных глаголов в мокшанских говорах рузаевского ареала

Г. С. Иванова

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
galina17-05@yandex.ru*

Н. В. Иванова

*Морская техническая академия им. адмирала Д. Н. Сенявина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
nataliva1990@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются особенности, имеющие место в парадигме безобъектного спряжения отрицательных глаголов в мокшанских говорах рузаевского ареала. В результате анализа диалектного материала определяются схемы построения отрицательных форм; прослеживается сочетаемость глагольных форм с той или иной частицей (*af*, *aš*, *iz'* 'не', *t'e-* / *t'ä* // *t'a-* 'не'); выявляются особенности в агглютинации личных аффиксов в отрицательных конструкциях в зависимости от времени совершения действия и типа наклонения. Данная статья является продолжением наших исследований мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия.

Цель: выявить особенности в парадигме безобъектного спряжения отрицательных глаголов в мокшанских говорах Рузаевского района.

Материалы исследования: полевые материалы, собранные авторами во время выездов в мокшанские населённые пункты Рузаевского района в 2023–2025 гг., текстовые материалы словарного кабинета Мордовского государственного университета.

Результаты и научная новизна. Выявлены особенности в парадигме безобъектного спряжения отрицательных глаголов в мокшанских говорах Рузаевского района; установлены схемы построения отрицательных конструкций; определены сочетаемость глагольных форм с той или иной отрицательной частицей, а также специфика агглютинации личных аффиксов в зависимости от времени совершения действия и типа наклонения. Анализ диалектного материала показал, что в рассматриваемых говорах в парадигме безобъектного спряжения отрицательных глаголов используются частицы *af*, *aš*, *iz'*, *t'e-* / *t'ä* // *t'a-* 'не'. Агглютинация словоизменительных аффиксов в конструкциях варьирует между глагольной основой и отрицательной частицей в зависимости от времени совершения действия и типа наклонения. Сфера распространения отрицательных частиц ограничена: *aš* (равно как и *iz'*) спрягается только с глаголами, выступающими в форме простого прошедшего времени индикатива; *af* употребляется с глаголами настоящего-будущего и II прошедшего времени индикатива, а также с формами конъюнктива, кондиционала, кондиционала-конъюнктива; *t'e-* / *t'ä* // *t'a-* используется в императиве, опплативе и кондиционале-опплативе.

Научная новизна заключается в описании отрицательного спряжения и выявлении его особенностей в мокшанских говорах рузаевского ареала, что до настоящего времени объектом специального исследования не являлось.

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, рузаевский ареал, перхляйский тип, отрицательный глагол, безобъектное спряжение

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ 25-28-00193 «Цифровое описание мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия».

Для цитирования: Иванова Г. С., Иванова Н. В. Специфика безобъектной парадигмы отрицательных глаголов в мокшанских говорах рузаевского ареала // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 42–51.

Specificity of the objectless paradigm of negative verbs in the Moksha subdialects of the Ruzaevka area

G. S. Ivanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
galina17-05@yandex.ru*

N. V. Ivanova

*Admiral Senyavin Maritime Technical Academy of St. Petersburg,
Saint-Petersburg, Russian Federation,
nataliva1990@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article examines the features that occur in the paradigm of objectless conjugation of negative verbs in the Moksha dialects of the Ruzaevka area. An analysis of dialectal material helps us identify patterns in the construction of negative forms; trace the compatibility of verb forms with various particles (*af, aš, iz' 'not', t'e- / t'ä // t'a- 'not'*); and identify specific features in the agglutination of personal affixes in negative constructions depending on the time of the action and the mood type. This article continues our research into the Moksha dialects of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia.

Objective: to identify the features in the paradigm of objectless conjugation of negative verbs in the Moksha dialects of the Ruzaevsky District.

Research materials: field materials collected by the authors during trips to Moksha settlements of the Ruzaevsky District in 2024–2025.

Results and novelty of the research: as a result, we identified features in the paradigm of objectless conjugation of negative verbs in the Moksha dialects of the Ruzaevsky District; established patterns of constructing negative constructions; and determined the compatibility of verb forms with a particular negative particle, as well as the specifics of agglutination of personal affixes depending on the time of the action and the type of mood. Analysis of dialect material revealed that in the dialects under consideration, the paradigm of objectless conjugation of negative verbs uses the particles *af, aš, iz', t'e- / t'ä // t'a- 'not'*. Agglutination of inflectional affixes in constructions varies between the verb stem and the negative particle depending on the time of the action and the type of mood. The scope of negative particles is limited: *aš* (as well as *iz'*) is conjugated only with verbs in the simple past indicative; *af* is used with verbs of the present-future and the second past indicative, as well as with subjunctive, conditional, and conditional-conjunctive forms; *t'e- / t'ä // t'a-* is used in the imperative, optative, and conditional-optative. The scientific novelty lies in the description of negative conjugation and the identification of its features in the Moksha dialects of the Ruzaevka area, which has not been the subject of special research until now.

Key words: Moksha language, dialect, Ruzaevka area, Perkhlyaj type, negative verb, objectless conjugation

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant 25-28-00193 "Digital description of Moksha dialects of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia".

For citation: Ivanova G. S., Ivanova N. V. Specificity of the objectless paradigm of negative verbs in the Moksha subdialects of the Ruzaevka area // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2026; 16 (1/64): 42–51.

Введение

Рузаевские говоры мокшанского языка имеют икающе-экающе-äкающий тип вокализма, поэтому в плане фонетики несут в себе много особенностей, свойственных соответствующим диалектам мокшанского языка [12]: так, в отличие от левженских и сузгарьевских говоров, в говорах перхляйского типа наблюдается отсутствие гласного ä (ни исторического, ни приобретённого), гласному *e* мокшанского литературного языка соответствует инновационный *i*, прослеживается (не последовательно) редукция безударных узких гласных первого слога; в области консонантизма, в середине слова вместо палатального *j^s* с твёрдым рефлексом *š*, как в большинстве говоров данного типа, а также в торбеевских переходных говорах, выступает среднеязычный *j^z*, аналогично с другими говорами рузаевского ареала, а также с большинством äкающих и экающих говоров мокшанского языка. В говорах наблюдается инновационное появление звонких шумных согласных в начале слова. Все перечисленные выше особенности находят отражение и в морфологическом составе глагольных форм, в том числе и в оформлении личных аффиксов [10; 11].

В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках глагол, кроме утвердительной, имеет отрицательную парадигму, так называемое отрицательное спряжение. Отрицательное спряжение – это спряжение глагола с отрицательными частицами, которые не просто занимают препозицию по отношению к глаголу, образуя отрицательные формы, но и принимают субъектные (если гла-

гол выступает в безобъектном спряжении) или субъектно-объектные (если глагол выступает в объектном спряжении) аффиксы, изменяясь вместе с глаголом. В связи с этим вспомним, что в мордовских языках развилось уникальное предикативное спряжение не глаголов (в том числе послелогов и частиц) [9].

Система спряжения мокшанских глаголов на материале литературного языка раскрыта в академических грамматиках мордовских языков [6; 7; 16]. Так в «Грамматике мордовских языков» (1980 г.) в мокшанском литературном языке, в основе которого лежит центральный диалект, выделяются отрицательные частицы *af, ашезь, изь, афоль, апак, тят 'не', афи 'и не'*. «Из них *ашезь, изь, афоль, тят 'не'* изменяются по лицам и числам, принимая аффиксы глагола» [7, 411]. Эти же отрицательные частицы рассматриваются в «Мокшень кяль. Морфология» (2000 г.), чаще они встречаются перед сказуемым [16, 212].

Вопросы глагольного словоизменения, в том числе и отрицательного, рассматривались в работах Д. В. Бубриха [5], Б. А. Серебренникова [18], К. Е. Майтинской [14], П. Г. Матюшкина [15] и др., из зарубежных исследователей проблемой словоизменения касались А. Алквист [19], В. Буденц [20], Л. Керестеш [21], Х. Паасонен [22] и др. Например, Л. Керестеш отмечает, что отрицательная частица м. *af / э. а* используется в настоящем времени изъявительного наклонения, во 2-ом прошедшем и будущем временах, а также в настоящем времени условного, сослагательного и желательного наклонений, а частицы

м. *aš*, *i-*, *t'a-*, *a-* / э. *e-*, *a-*, *il'a-*, называя их отрицательными вспомогательными глаголами, «употребляются в других наклонениях и временах» [21, 111–112].

Спряжение глагола в диалектах и отдельных говорах мокшанского языка в той или иной степени освещается в исследованиях учёных: К. И. Ананьиной – верхне-алатырские говоры [2], Р. В. Бабушкиной – темяшевский диалект [3], С. З. Деваева – средневадские говоры [8], С. И. Липатова – рыбкинско-мамолаевские говоры [13], Т. А. Плаксиной – северо-западные говоры [17], варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в смешанных мокшанско-эрзянских говорах рассматривается в работе Н. А. Агафоновой, И. Н. Рябова и Г. В. Рябовой [1]. Отдельные глагольные формы учитывались А. П. Феоктистовым при классификации мокшанских диалектов [23].

Т. Д. Блашкина, описывая особенности атюрьевского диалекта мокшанского языка, отмечает, что в рассматриваемом диалекте, кроме имеющихся в центральном диалекте отрицательных частиц, встречается «особый отрицательный спрягаемый глагол *al'd'en*», который проявляется «при образовании отрицательной формы прошедшего времени индикатива, употребляемый в препозиции значимого глагола (*al'd'en sa* ‘я не пришёл’))» [4].

Несмотря на большое количество работ по глагольной парадигматике, спряжение отрицательных глаголов в мокшанском языке, особенно в диалектном плане, до сих пор не изучено. Например, в «Грамматике мордовских языков» описание отрицательных форм в обоих мордовских языках (мокшанском и эрзянском) занимает две страницы [7]. Что касается парадигмы отрицательных глаголов в мокшанских говорах рузаевского ареала, то она не рассматривалась вообще. В свою очередь, отрицательное спряжение глаголов вызывает интерес у современных учёных, можно ожидать, что наше исследование внесёт определённый вклад в изучение особенностей глагольной парадигматики мокшанских диалектов.

Следует отметить, что в мокшанском языке сфера распространения отрицательной парадигмы конструкции отрицательная частица + глагол уже по сравнению с утвердительной парадигмой, т. к. в отдельных наклонениях отрицательные формы не развились или они представлены аналитическими конструкциями.

Материалы и методы

Диалектный материал зафиксирован на территории Рузаевского района Республики Мордовия в сёлах Перхляй, Мордовская Пишля, Новая Муравьёвка, Трускляй, Болдово в 2023–2025 гг.; были использованы также текстовые данные словарного кабинета кафедры мордовских языков и литературы филологического факультета, собранные во время ежегодных полевых практик студентов национального отделения Мордовского государственного университета. Перевод словоформ с мокшанского языка на русский выполнен самими авторами.

В процессе работы нашли применение синхронно-описательный, сравнительный методы исследования, а также метод систематизации, необходимый при дифференциации диалектного материала.

Результаты

В мокшанских говорах рузаевского ареала в парадигме отрицательного спряжения используются частицы *af*, *aš*, *iz'*, *t'e-* / *t'ä-* // *t'a-* ‘не’; они располагаются перед глаголом и сочетаются с определённой группой наклонений и личных показателей настоящего-будущего или прошедшего времени. В безобъектном (субъектном) спряжении употребляются все перечисленные отрицания, однако сфера распространения каждой частицы ограничена.

Отрицание *aš* спрягается только с глаголами прошедшего времени индикатива. В этом случае аффиксы лица присоединяются не к глаголу, а к частице, основа которой удлинилась за счёт интерфиксального гласного, в то время как глагол представлен в виде чистой основы (непроизводной или производной) без каких-либо грамматических показателей (отрицание *aš-* + показатель лица в прошедшем времени + основа глагола) (см. табл. 1):

Таблица 1

Спряжение глагола *jaka-ms* ‘ходить’ с частицей *aš* в индикативе прошедшего времени

	Единственное число		Множественное число	
	Утвердительная форма	Отрицательная форма	Утвердительная форма	Отрицательная форма
1 л.	<i>jaka-n'</i> ‘я ходил’	<i>ašə-n' jaka</i> ‘я не ходил’	<i>jaka-me(ä)</i> ‘мы ходили’	<i>ašə-me(ä) jaka</i> ‘мы не ходили’
2 л.	<i>jaka-t'</i> ‘ты ходил’	<i>ašə-t' jaka</i> ‘ты не ходил’	<i>jaka-d'e(ä)</i> ‘вы ходили’	<i>ašə-d'e(ä) jaka</i> ‘вы не ходили’
3 л.	<i>jaka-s'</i> ‘он ходил’	<i>ašə-z' jaka</i> ‘он не ходил’	<i>jaka-s' t'</i> ‘они ходили’	<i>ašə-s' t' jaka</i> ‘они не ходили’

Представители старшего поколения иногда отрицание *aš* заменяют отрицанием *iz*: *aRtə-n* 'я красил' – *iz'ə-n* *aRtā* 'я не красил', *aRtə-t* 'ты красил' – *iz'ə-t* *aRtā* 'ты не красил', *aRt-s* 'он красил' – *iz' aRtā* 'он не красил', *aRtə-me(ä)* 'мы красили' – *iz'ə-me(ä)* *aRtā* 'мы не красили', *aRtə-d'e(ä)* 'вы красили' – *iz'ə-d'e(ä)* *aRtā* 'вы не красили', *aR-c'it* 'они красили' – *is'-t' aRtā* 'они не красили'.

В обоих случаях к односложным глагольным основам присоединяется формант *-k*, например: *ašəs'it sa(k) / is'it sa(k)* 'они не пришли': *ašəs'it mu(k) / is'it mu(k)* 'они не нашли', *ašəs'it mi(k) / is'it mu(k)* 'они не продали'.

Для сравнения: в говоре с. Каньгуши Ельниковского района Республики Мордовия, который А. П. Феоктистов относит тоже к центральному диалекту [23], в данных формах личные аффиксы присоединяются не к отрицанию *aš*, а к основе глагола, например: *aš aRtə-n* 'я не красил', *aš aRtə-t* 'ты не красил', *aš aR-c* 'он не красил' и т. д.

В рассматриваемых говорах отрицательная частица *aš* (реже *iz*) употребляется и с производными глаголами, в составе которых присутствует формообразующий суффикс с залоговым или видовым значением: *-d* – со значением действительного залога, *-ft* – со значением пунудительного залога, *-v* – со значением страдательного, возвратно-возможностного залогов; а также видовые суффиксы *-s'ə-*, *-c'ə-*, *-n'ə-*, *-kšn'ə-*, *-šənd-*, *-ksn'-*, *-kst(a)-* и др. – все эти суффиксы при спряжении остаются в составе глагольной основы. В 1, 2 и 4-м случаях к формообразующим суффиксам во всех формах отрицательного спряжения присоединяется интерфиксальный гласный, который сохраняется и в конце открытой основы, например:

1) *pi-ms* 'свариться' → *pi-d'ə-ms* 'сварить': *pid'ə-n* 'я сварил' – *ašə-n' pid'ě(ä)* 'я не сварил'; *pid'ə-t* 'ты сварил' – *ašə-t' pid'ě(ä)* 'ты не сварил'; *pid'ə-s* 'он сварил' – *ašə-z' pid'ě(ä)* 'он не сварил'; *pid'ə-me(ä)* 'мы сварили' – *ašə-me(ä) pid'ě(ä)* 'мы не сварили'; *pid'ə-d'e(ä)* 'вы сварили' – *ašə-d'e(ä) pid'ě(ä)* 'вы не сварили'; *pid'ə-s'it* 'они сварили' – *ašə-s'it' pid'ě(ä)* 'они не сварили';

2) *kasə-ms* 'вырасти' → *kasft-ə-ms* 'вырастить': *kasft-ə-n* 'я вырастил' – *ašə-n' kasftā* 'я не вырастил'; *kasft-ə-t* 'ты вырастил' – *ašə-t' kasftā* 'ты не вырастил'; *kasf-c* 'он вырастил' – *ašə-z' kasftā* 'он не вырастил'; *kasft-ə-me(ä)* 'мы вырастили' – *ašə-me(ä) kasftā* 'мы не вырастили'; *kasft-ə-d'e(ä)* 'вы вырастили' – *ašə-d'e(ä) kasftā* 'вы не выра-

стили'; *kasf-c'it* 'они вырастили' – *ašə-s'it' kasftā* 'они не вырастили';

3) *viL'it'a-ms / veL'it'a-ms* 'покрыть; накрыть' → *viL'it'av-ə-ms / veL'it'av-ə-ms* 'покрыться; накрыться': *viL'it'avə-n' / veL'it'avə-n'* 'я накрылся' – *ašə-n' viL'it'av / veL'it'av* 'я не накрылся'; *viL'it'avə-t' / veL'it'avə-t'* 'ты накрылся' – *ašə-t' viL'it'av / veL'it'av* 'ты не накрылся'; *viL'it'av-s' / veL'it'av-s'* 'он накрылся' – *ašə-z' viL'it'av / veL'it'av* 'он не накрылся'; *viL'it'avə-me / veL'it'avə-me(ä)* 'мы накрылись' – *ašə-me(ä) viL'it'av / veL'it'av* 'мы не накрылись'; *viL'it'avə-d'e / veL'it'avə-d'e(ä)* 'вы накрылись' – *ašə-d'e(ä) viL'it'av / veL'it'av* 'вы не накрылись'; *viL'it'av-s'it' / veL'it'av-s'it'* 'они накрылись' – *ašə-s'it' viL'it'av / veL'it'av* 'они не накрылись';

4) *s'it'a-ms* 'встать' → *s'it'ašəndə-ms* 'вставать': *s'it'ašəndə-n* 'я вставал' – *ašə-n' s'it'ašəndā* 'я не вставал'; *s'it'ašəndə-t* 'ты вставал' – *ašə-t' s'it'ašəndā* 'ты не вставал'; *s'it'ašənd-c* 'он вставал' – *ašə-z' s'it'ašəndā* 'он не вставал'; *s'it'ašəndə-m'e(ä)* 'мы вставали' – *ašə-m'e(ä) s'it'ašəndā* 'мы не вставали'; *s'it'ašəndə-d'e(ä)* 'вы вставали' – *ašə-d'e(ä) s'it'ašəndā* 'вы не вставали'; *s'it'ašənd-c'it* 'они вставали' – *ašə-s'it' s'it'ašəndā* 'они не вставали' и др.

В словоформе могут присутствовать два видовых суффикса многократности, привносящие периодически повторяющееся значение, согласный *n* из второго варианта в большинстве говоров выпадает, например: *s'it'a-šənkš(n)ə-ms* 'вставать (периодически)' → *s'it'a-šəndə-ms* → *s'it'a-ms*: *s'it'ašənkš(n)ə-n'* 'я вставал (периодически)' – *ašə-n' s'it'ašənkš(n)e* 'я не вставал (периодически)'; *s'it'ašənkš(n)ə-t'* 'ты вставал (периодически)' – *ašə-t' s'it'ašənkš(n)e* 'ты не вставал (периодически)'; *s'it'ašənkš(n)ə-s'* 'он вставал (периодически)' – *ašə-z' s'it'a-šənkš(n)e* 'он не вставал (периодически)'; *s'it'ašənkš(n)ə-m'e* 'мы вставали (периодически)' – *ašə-m'e(ä) s'it'ašənkš(n)e* 'мы не вставали (периодически)'; *s'it'ašənkš(n)ə-d'e* 'вы вставали (периодически)' – *ašə-d'e(ä) s'it'ašənkš(n)e* 'вы не вставали (периодически)'; *s'it'ašənkš(n)ə-s'it'* 'они вставали (периодически)' – *ašə-s'it' s'it'ašənkš(n)e* 'они не вставали (периодически)' и др.

Редуцированный гласный в конце глагольной основы перед паузой расширяется, его артикуляция аналогична артикуляции гласных полного образования *a*, *e*, *ä*.

Отрицательная частица *af* в мокшанских говорах рузаевского ареала употребляется с глаголами настоящего-будущего и II прошедшего времени (давно прошедшего времени) индикатива,

совпадающих с формами конъюнктива, а также кондиционала и кондиционала-конъюнктива.

Следует отметить, что в отрицательных формах индикатива настояще-будущего времени безобъектного спряжения, как и в формах кондиционала и кондиционала-конъюнктива, форманты лица присоединяются к глагольной основе, а отрицание остаётся неизменной. При этом отрицательные формы кондиционала выступают с формантами настояще-будущего времени, а формы кондиционала-конъюнктива – с формантами прошедшего времени, например, спряжение глагола в индикативе настояще-будущего времени: *sod-an* ‘я знаю’ – *af sod-an* ‘я не знаю’, *sod-at* ‘ты знаешь’ – *af sod-at* ‘ты не знаешь’, *sod-aj* ‘он знает’ – *af sod-aj* ‘он не знает’, *soda-tamä* ‘мы знаем’ – *af soda-tamä* ‘мы не знаем’, *soda-tadä* ‘вы знаете’ – *af soda-tadä* ‘вы не знаете’, *soda-J(Š)t* ‘они знают’ – *af soda-J(Š)t* ‘они не знают’; спряжение глагола во II-м прошедшем времени:

aš'š'ä-l'-ä-n ‘я стоял’ – *afä-l'-ä-n* *aš'š'e(ä)* ‘я не стоял’, *aš'š'ä-l'-ä-t* ‘ты стоял’ – *afä-l'-ä-t* *aš'š'e(ä)* ‘ты не стоял’, *aš'š'ä-l'* ‘он стоял’ – *afä-l'* *aš'š'e(ä)* ‘он не стоял’; *aš'š'ä-l'-ä-me(ä)* ‘мы стояли’ – *afä-l'-ä-me(ä)* *aš'š'e(ä)* ‘мы не стояли’, *aš'š'ä-l'-ä-d'e(ä)* ‘вы стояли’ – *afä-l'-ä-d'e(ä)* *aš'š'e(ä)* ‘вы не стояли’, *aš'š'ä-L'-t* ‘они стояли’ – *afä-L'-t* *aš'š'e(ä)* ‘они не стояли’;

3) в отрицательных формах конъюнктива к суффиксу наклонения присоединяются личные показатели прошедшего времени, причём в говорах наблюдается двоякая агглютинация формантов времени: и к 1) отрицанию, и к 2) основе конъюнктива. Соответственно, отрицательные формы образуются по схемам: 1) отрицание *af* + показатель конъюнктива *-l'(ä)-* + личный формант прошедшего времени + основа глагола; 2) отрицание *af* + основа глагола + показатель конъюнктива *-l'(ä)-* + личный формант прошедшего времени (см. табл. 2):

Таблица 2

Спряжение глагола *anäkla-ms* ‘готовить, приготовить’ с частицей *af* в конъюнктиве

	Единственное число		Множественное число	
	Утвердительная форма	Отрицательная форма	Утвердительная форма	Отрицательная форма
1 л.	<i>anäkla-l'-ä-n</i> ‘я бы приготовил’	<i>afä-l'-ä-n</i> <i>anäkla</i> ; <i>af anäkla-l'-ä-n</i> ‘я бы не приготовил’	<i>anäkla-l'-ä-me(ä)</i> ‘мы бы приготовили’	<i>afä-l'-ä-me(ä)</i> <i>anäkla</i> ; <i>af anäkla-l'-ä-me(ä)</i> ‘мы бы не приготовили’
2 л.	<i>anäkla-l'-ä-t</i> ‘ты бы приготовил’	<i>afä-l'-ä-t</i> <i>anäkla</i> ; <i>af anäkla-l'-ä-t</i> ‘ты бы не приготовил’	<i>anäkla-l'-ä-d'e(ä)</i> ‘вы бы приготовили’	<i>afä-l'-ä-d'e(ä)</i> <i>anäkla</i> ; <i>af anäkla-l'-ä-d'e(ä)</i> ‘вы бы не приготовили’
3 л.	<i>anäkla-l'</i> ‘он бы приготовил’	<i>afä-l'</i> <i>anäkla</i> ; <i>af anäkla-l'</i> ‘он бы не приготовил’	<i>anäkla-L'-t</i> ‘они бы приготовили’	<i>afä-L'-t</i> <i>anäkla</i> ; <i>af anäkla-L'-t</i> ‘они бы не приготовили’

В мокшанском языке и в настоящем, и в прошедшем времени к отрицанию *af* может присоединяться частица *i* с усилительным эффектом, заимствованная из русского языка, например: *afi soda-sa* ‘и не знаю – я’, *afi soda-sak* ‘и не знаешь – ты’, *afi soda-l'äs'k* ‘и не знали – мы’ и т.д. Следует отметить, что в русском языке *i* занимает препозицию по отношению к отрицанию, в мокшанском языке – постпозицию, ср.: м. *afi mol'an* – рус. *и не пойду*, м. *afi sərks'äme* – рус. *и не собирались*, м. *afi šer'kiJt* – рус. *и не шелохнутся* и т.д.

В мокшанских говорах рузаевского ареала для передачи абсолютного отрицания перед *af* употребляются отрицательные местоимения и наречия: *m'i(e)z'ävək* ‘ничего’ = *m'i(e)z'ë(ä)* ‘что’ + *-vək* ‘ни’, *k'i-vək* ‘никто’ = *k'ij'ë(ä)* ‘кто’ + *-vək*

‘ни’; *kozävək* ‘никуда’ = *kozä* ‘куда’ + *-vək* ‘ни’; *kostävək* ‘ниоткуда’ = *kostä* ‘откуда’ + *-vək* ‘ни’. В данной конструкции в настоящем времени индикатива грамматическое оформление получает глагол, например: *m'i(e)z'ävək af sod-an* ‘ничего не знаю’, *m'i(e)z'ävək af sod-at* ‘ничего не знаешь’, *m'i(e)z'ävək af sod-aj* ‘ничего не знает’, *m'i(e)z'ävək af soda-tamä* ‘ничего не знаем’, *m'i(e)z'ävək af soda-tadä* ‘ничего не знаете’, *m'i(e)z'ävək af soda-J(Š)t* ‘ничего не знают’.

В прошедшем времени употребляются обе частицы – *af*, *aš*; *aš* выступает в форме простого прошедшего времени, *af* – II-го прошедшего времени, форманты лица присоединяются к отрицательным частицам, например:

а) простое прошедшее время: *m'i(e)z'ävək ašä-n* *soda* ‘я ничего не знал’, *m'i(e)z'ävək ašä-t*

soda ‘ты ничего не знал’, *m'i(e)z'əvək ašə-z' soda* ‘он ничего не знал’, *m'i(e)z'əvək ašə-me(ä) soda* ‘мы ничего не знали’, *m'i(e)z'əvək ašə-d'ə(ä) soda* ‘вы ничего не знали’, *m'i(e)z'əvək ašə-s'it' soda* ‘они ничего не знали’;

б) II-е прошедшее время: *m'i(e)z'əvək afəl'ə-n' soda* ‘я ничего не знал (тогда)’, *m'i(e)z'əvək afəl'ə-t' soda* ‘ты ничего не знал (тогда)’, *m'i(e)z'əvək afəl'ə-soda* ‘он ничего не знал (тогда)’, *m'i(e)z'əvək afəl'ə-me(ä) soda* ‘мы ничего не знали (тогда)’, *m'i(e)z'əvək afəl'ə-d'e(ä) soda* ‘вы ничего не знали (тогда)’, *m'i(e)z'əvək afəl'ə-t' soda* ‘они ничего не знали (тогда)’.

В кондиционале к глагольной основе с показателем наклонения присоединяются форманты настоящего-будущего времени, в единственном числе *-an, -at, -aj*: *mol'ən'd'e(ä)r'-an* ‘если я иду,

приду’ – *af mol'ən'd'e(ä)r'-an* ‘если я не иду, не приду’, *mol'ən'd'e(ä)r'-at* ‘если ты идёшь, придёшь’ – *af mol'ən'd'e(ä)r'-at* ‘если ты не идёшь, не придёшь’, *mol'ən'd'e(ä)r'e(ä)-j* ‘если он идёт, придёт’ – *af mol'ən'd'e(ä)r'e(ä)-j* ‘если он не идёт, не придёт’; во множественном числе *-tamä, -tadä, -J(Š)t'*: *pəpərdan'd'e(ä)r'a-tamä* ‘если мы споткнёмся’ – *af pəpərdan'd'e(ä)r'a-tamä* ‘если мы не споткнёмся’, *pəpərdan'd'e(ä)r'a-tadä* ‘если вы споткнётесь’ – *af pəpərdan'd'e(ä)r'a-t'adä* ‘если вы не споткнётесь’, *pəpərdan'd'e(ä)r'e(ä)-J(Š)t'* ‘если они споткнутся’ – *af pəpərdan'd'e(ä)r'e(ä)-J(Š)t'* ‘если они не споткнутся’;

В кондиционале-конъюнктиве к глагольной основе присоединяется показатель наклонения *-n'd'e(ä)r'e(ä)-l'-* + личные формы прошедшего времени (см. табл. 3):

Таблица 3

Спряжение глагола *m'el'afṭ-ms* ‘помнить, запомнить’ с частицей *af* в кондиционале-конъюнктиве перхляйских и сузгарьевских говоров рузаевского ареала

	Единственное число		Множественное число	
	Утвердительная форма	Отрицательная форма	Утвердительная форма	Отрицательная форма
1 л.	<i>m'el'afṭən'd'er'el'ə-n'</i> ‘если бы я помнил’	<i>af m'el'afṭə-n'd'er'el'ə-n'</i> ‘если бы я не помнил’	<i>m'el'afṭən'd'er'el'ə-m'e</i> ‘если бы мы помнили’	<i>af m'el'afṭə-n'd'er'el'ə-m'e</i> ‘если бы мы не помнили’
2 л.	<i>m'el'afṭən'd'er'el'ə-t'</i> ‘если бы ты помнил’	<i>af m'el'afṭə-n'd'er'el'ə-t'</i> ‘если бы ты не помнил’	<i>m'el'afṭən'd'er'el'ə-d'e</i> ‘если бы вы помнили’	<i>af m'el'afṭə-n'd'er'el'ə-d'e</i> ‘если бы вы не помнили’
3 л.	<i>m'el'afṭən'd'er'el'</i> ‘если бы он помнил’	<i>af m'el'afṭə-n'd'er'el'</i> ‘если бы он не помнил’	<i>m'el'afṭən'd'er'eL'-t'</i> ‘если бы они помнили’	<i>af m'el'afṭə-n'd'er'eL'-t'</i> ‘если бы они не помнили’

Отрицательные формы кондиционала и кондиционала-конъюнктива могут употребляться и с союзом *kəda* ‘если’, который выступает в препозиции к отрицательной частице. В данном случае наблюдается некое дублирование значения наклонения, например: *af mol'ə-n'd'er'a-tadä* и *kəda af mol'ə-n'd'er'a-tadä* ‘если (если) вы не придёте’.

Как показывает диалектный материал, в рузаевских говорах в конце отрицательного глагола после сочетания согласных последовательно сохраняется не только широкий гласный *a*, но и *ä*, а также *e < *ä*, например: *afə-l'ə-n' m'e(ä)r'g'e(ä)* ‘я бы не сказал; не разрешил’, *afə-l'ə-me(ä) m'e(ä)r'g'e(ä)* ‘мы бы не сказали; не разрешили’, *afə-l'ə-t' m'e(ä)r'g'e(ä)* ‘ты бы не сказал; не разрешил’, *afə-l'ə-d'e(ä) m'e(ä)r'g'e(ä)* ‘вы бы не сказали; не разрешили’. После одиночного со-

гласного наблюдается двойное употребление – и с гласным, и без гласного, например: *afə-l'ə-n' s'e(ä)v* и *afə-l'ə-n' s'e(ä)ve(ä)* ‘я бы не взял’, *afə-l'ə-me(ä) s'e(ä)v* и *afə-l'ə-me(ä) s'e(ä)ve(ä)* ‘мы бы не взяли’ и т.д.

Отрицательная частица *t'e- / t'ä- // t'a-* употребляется только в императиве с суффиксами наклонения *-t / -t'* – в единственном числе и *-dä* – во множественном числе, в оптативе с суффиксами наклонения *-za* – в единственном числе и *-st* – во множественном числе и кондиционале-оптативе, где аффиксы лица и наклонения присоединяются к отрицательной частице. Например, глаголы *azə-ms* ‘сказать’, *vanə-ms* ‘смотреть’, *pi(e)l'ə-ms* ‘бояться’, *se(ä)və-ms* ‘взять’, *tu-ms* ‘уйти’, *sa-ms* ‘прийти’ в императиве единственного и множественного числа будут выглядеть следующим образом (см. табл. 4):

Спряжение глаголов с частицей *t'a-* в императиве единственного и множественного числа

	Единственное число		Множественное число	
	Утвердительная форма	Отрицательная форма	Утвердительная форма	Отрицательная форма
2 л.	<i>as-t</i> ‘скажи’	<i>t'a-t az(ă)</i> ‘не говори’	<i>ază-dă</i> ‘скажите’	<i>t'a-dă az(ă)</i> ‘не говорите’
2 л.	<i>vat-t</i> ‘смотри’	<i>t'a-t van(ă)</i> ‘не смотри’	<i>vană-dă</i> ‘смотрите’	<i>t'a-dă van(ă)</i> ‘не смотрите’
2 л.	<i>pi(e)L'-t</i> ‘бойся’	<i>t'a-t pi(e)l'ě(ă)</i> ‘не бойся’	<i>pi(e)l'ă-dă</i> ‘бойтесь’	<i>t'a-dă pi(e)l'ě(ă)</i> ‘не бойтесь’
2 л.	<i>s'e(ă)f-t</i> ‘возьми’	<i>t'a-t s'e(ă)v(ě/ă)</i> ‘не бери’	<i>s'e(ă)vă-dă</i> ‘возьмите’	<i>t'a-dă s'e(ă)v(ě/ă)</i> ‘не берите’
2 л.	<i>tu-k</i> ‘уйди’	<i>t'a-t tu</i> ‘не уходи’	<i>tu-dă</i> ‘уйдите’	<i>t'a-dă tu</i> ‘не уходите’
2 л.	<i>sa-k</i> ‘приди’	<i>t'a-t sa</i> ‘не приходи’	<i>sa-dă</i> ‘придите’	<i>t'a-dă sa</i> ‘не приходите’

Глагольная основа может быть осложнена формообразующими суффиксами многократности, например: *azănt-t* ‘рассказывай’ – *t'a-t azăndă* ‘не рассказывай’, *azăndă-dă* ‘рассказывайте’ – *t'a-dă azăndă* ‘не рассказывайте’, *pi(e)l'ănt'-t* ‘бойся’ – *t'a-t pi(e)l'ăn'd'ě* ‘не бойся’, *pi(e)l'ăn'd'ă-dă* ‘бойтесь’ – *t'a-dă pi(e)l'ăn'd'ě* ‘не бойтесь’, *s'e(ă)vănt'-t* ‘бери’ – *t'a-t s'e(ă)văn'd'ě(ă)* ‘не бери’, *s'e(ă)văn'd'ă-dă* ‘берите’ – *t'a-dă s'e(ă)văn'd'ě(ă)* ‘не берите’, *tušănt-t* ‘уходи’ – *t'a-t tušăndă* ‘не уходи’, *tušăndă-dă* ‘уходите’ – *t'a-dă tušăndă* ‘не уходите’, *vanănt-t* ‘смотри’ – *t'a-t vanăndă* ‘не смотри’, *vanăndă-dă* ‘смотрите’ – *t'a-dă vanăndă* ‘не смотрите’.

Часто в составе производной основы можно обнаружить два разных суффикса многократности: к основному суффиксу агглютинирует

суффикс *-kš(n')ă-*, например, *ază-ndă-ms* ‘рассказывать’ → *ază-n(t)-kš(n')ă-ms* ‘рассказывать (периодически)’: *ază-n(t)-kš(n')ă-k* ‘рассказывай’ – *t'at ază-n(t)-kš(n')ă* ‘не рассказывай’, *ază-n(t)-kš(n')ă-dă* ‘рассказывайте’ – *t'a-dă ază-n(t)-kš(n')ă* ‘не рассказывайте’ и др. На морфемном соединении *-nt-* (<*nd-*) + *-kš(n')ă-* в отдельных говорах согласный *t* < *d* в первом суффиксе и *n'* во втором суффиксе выпадают *-n-* + *-kšă-*. В данном случае можно говорить о двухвариантном употреблении форм.

В оптативе и кондиционале-оптативе личные аффиксы настоящего и прошедшего времени, равно как и показатели наклонения *-za-*, *-zal'*, присоединяются к отрицанию. В единственном числе в оптативе имеются формы 1, 2, 3-го лица, во множественном числе – только 3-го лица (см. табл. 5):

Таблица 5

Спряжение глагола *kandă-ms* ‘нести’ с частицей *t'a-* в оптативе единственного и множественного числа

Единственное число				
	Утвердительная форма	Значение	Отрицательная форма	Значение
1 л.	<i>kandă-za-n</i>	‘да пусть я принесу’	<i>t'a-z-an kand(ă)</i>	‘да пусть я не принесу’
2 л.	<i>kandă-za-t</i>	‘да пусть ты принесёшь’	<i>t'a-z-at kand(ă)</i>	‘да пусть ты не принесёшь’
3 л.	<i>kandă-za</i>	‘да пусть он принесёт’	<i>t'a-ză kand(ă)</i>	‘да пусть он не принесёт’
Множественное число				
3 л.	<i>kandă-st</i>	‘да пусть они принесут’	<i>t'a-st kand(ă)</i>	‘да пусть они не принесут’

В кондиционале-оптативе с частицей *t'a-* употребляются лишь отрицательные формы единственного числа, формы множественного числа образуют аналитические конструкции:

katk / *kadəs't* ‘пусть’ + отрицательная частица *af* с личными формантами + основа глагола с суффиксом кондиционала, например (см. табл. 6):

Спряжение глагола *vanə-ts* ‘смотреть’ в кондиционале-оптативе
единственного и множественного числа

Единственное число				
	Утвердительная форма	Значение	Отрицательная форма	Значение
1 л.	<i>vanə-za-l'-ə-n'</i>	‘да пусть бы я посмотрел’	<i>t'a-za-l'-ə-n' van(ä)</i>	‘да пусть бы я не посмотрел’
2 л.	<i>vanə-za-l'-ə-t'</i>	‘да пусть бы ты посмотрел’	<i>t'a-za-l'-ə-t' van(ä)</i>	‘да пусть бы ты не посмотрел’
3 л.	<i>vanə-za-l'</i>	‘да пусть бы он посмотрел’	<i>t'a-za-l' van(ä)</i>	‘да пусть бы он не посмотрел’
Множественное число				
1 л.	<i>katk vanə-l'-ə-me(ä)</i>	‘да пусть бы мы посмотрели’	<i>katk afəl'əme(ä) van(ä)</i>	‘да пусть бы мы не посмотрели’
2 л.	<i>katk vanə-l'-ə-d'e(ä)</i>	‘да пусть бы вы посмотрели’	<i>katk af-ə-l'-ə-d'ə(ä) van(ä)</i>	‘да пусть бы вы не посмотрели’
3 л.	<i>katk vanə-L'-t'</i>	‘да пусть бы они посмотрели’	<i>katk af-ə-L'-t' van(ä)</i>	‘да пусть бы они не посмотрели’

Следует отметить, что в рузаевских говорах используется ещё одна отрицательная частица – *apak* ‘не’, однако употребляется она с непрямыми формами причастий, деепричастий, например: *anəklaf* ‘подготовленный’ – *anəklaf(sta)* ‘подготовившись’ – *apak anəklak (sas')*, *apak anəklaf(sta)* ‘неподготовленный; не подготовившись (пришёл) (без подготовки)’, *jaRcaf(sta)* ‘покушав; накушавшись’ – *apak jaRcak (tus')* ‘не покушав (ушёл)’, *tonafn'əf(sta)* ‘обученно (грамотно, толково)’ – *apak tonafn'ək (l'ac')* ‘не обучившись’ и др.

Обсуждение и заключение

Под отрицательным спряжением мы понимаем спряжение глагола с отрицательными частицами. Результат анализа диалектного материала показал, что, по сравнению с утвердительным спряжением, парадигма отрицательного спряжения в мокшанских говорах рузаевского ареала менее развита.

В образовании отрицательных конструкций участвуют частицы *af*, *aš*, *iz'*, *t'e-* / *t'ä-* // *t'a-* ‘не’. Частицы выступают в препозиции к глаголу и периодически принимают форманты лица. В парадигме безобъектного спряжения агглютинация личных формантов варьирует в зависимости от времени и типа наклонения от глагола к отрицательной частице и, наоборот. Употребление каждой частицы ограничено комплексом наклонений и грамматических форм:

1) Глагол прошедшего времени индикатива соотносится с отрицательной частицей *aš*; личные форманты присоединяются к частице, глагол представлен чистой основой: *ašə-n' jaka*,

ašə-n' jaks'ě(ä) и др. В речи старшего поколения используется отрицательная частица *iz'*, в этом случае к односложной глагольной основе присоединяется формант *-k*: *iz'ə-n' mu(k)* ‘я не нашёл’. Схемы построения отрицательных форм: отрицание *aš (iz')* + формант прошедшего времени *n'* + основа глагола;

2) С глаголами настояще-будущего и II прошедшего времени индикатива, а также с глагольными формами конъюнктива, кондиционала, кондиционала-конъюнктива спрягается отрицательная частица *af*. В настояще-будущем времени индикатива, в формах кондиционала и кондиционала-конъюнктива форманты лица принимает глагольная основа; в кондиционале – форманты настояще-будущего времени, а в кондиционале-конъюнктиве – прошедшего времени. Отрицательные формы построены по схеме: 1) отрицание *af* + показатель II прошедшего времени + личный формант прошедшего времени + глагольная основа: *afə-l'-ə-d'ě(ä) atkaza*; 2) отрицание *af* + глагольная основа + показатель кондиционала + личный формант настояще-будущего времени: *af mol'ə-n'd'e(ä)r'a-tamä*; 3) отрицание *af* + глагольная основа + показатель кондиционала-конъюнктива + личный формант прошедшего времени: *af mol'ə-n'd'e(ä)r'e(ä)-l'ə-me(ä)*. Схемы построения отрицательных форм конъюнктива выглядят следующим образом: 1) отрицание *af* + показатель конъюнктива *-l'(ə)-* + личный формант прошедшего времени + глагольная основа: *afə-l'-ə-me(ä) anəkla*; 2) отрицание *af* + глагольная основа + показатель конъюнктива *-l'(ə)-* + личный формант прошедшего времени: *af anəkla-l'-ə-me(ä)*.

3) Глагол в императиве (-t / -t', -dä), оптативе (-za, -st), кондиционале-оптативе (-zal'-) спрягается с отрицательной частицей t'e- / t'ä- // t'a-. При этом показатели наклонения и лица присоединяются к отрицательной частице. В оптативе имеются всего четыре отрицательные формы – 1, 2, 3-е лицо единственного числа и 3-е лицо множественного числа; в кондиционале-оптативе – лишь формы единственного числа. Схема построения отрицательных форм с частицей t'e- / t'ä- // t'a- такова:

отрицательная частица + показатель наклонения + чистая глагольная основа, например: t'a-t pi(e)l'ě(ä), t'a-dä pi(e)l'ě(ä); t'a-za-t pi(e)l'ě(ä), t'a-st pi(e)l'ě(ä); t'a-za-l'-ä-n' van(ä); t'a-za-l'-ä-m'e(ä) van(ä).

В говорах имеет место ещё одна отрицательная частица – apak 'не; недо-', однако сочетается она с неспрягаемыми формами причастий, деепричастий: apak anəklak (tiv) или apak anəklafsta (sas'); apak šar'kət'ŕ' (t'ijəz'e); apak tonafn'ək или apak tonafn'əfstā (l'ac').

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в эрзянском диалектном ареале // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 3. С. 264–273.
2. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
3. Бабушкина Р. В. Темьяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.
4. Блашкина Т. Д. Атыурьевский диалект мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 18 с.
5. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.
6. Грамматика мордовских языков: фонетика и морфология / под ред. М. Н. Коляденкова, Р. А. Заводова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 374 с.
7. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. 430 с.
8. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–432.
9. Иванова Г. С., Бутылов Н. В., Сайгутина К. И. Предикативное спряжение неглаголов в центральном диалекте мокша-мордовского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1434–1439.
10. Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В. Становление системы вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (60). С. 238–246.
11. Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В. Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. Финно-угорский мир. 2025. Т. 17. № 1. С. 21–34.
12. Иванова Г. С., Иванова Н. В., Сайгутина К. И. Фонетическая система рузаевских говоров перхляйского типа (сравнительный аспект) // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16. № 2 (62). С. 137–143.
13. Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.
14. Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. С. 316–326.
15. Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 20 с.
16. Мокшень кяль. Морфология = Мокшанский язык. Морфология / под ред. Н. С. Алямкина. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 234 с.
17. Плаксина Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 17 с.
18. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
19. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p.
20. Budenz J. Moksa – és erza-mordvin nyelvtan // Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1876. Pp. 82–101.
21. Keresztes L. Development of Mordvin Definite Conjugation. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 266 p. (MSFOu, № 233).
22. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1953. 159 p.
23. Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages // Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI.

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Var'irovaniye suffiksov ob'yektnogo spryazheniya budushchego i proshedshego vremeni v erzyanskom dialektnom areale* [Variation of the objective conjugation suffixes in the Erzya dialect area]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2023, no. 15 (3), pp. 264–273. (In Russian)
2. Ananyina K. I. *Verkhne-alatyrskiyey govory mokshanskogo yazyka* [Upper Alatyir subdialects of the Moksha language]. Tartu, 1974. 21 p. (In Russian)
3. Babushkina R. V. *Temyashevskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Thematic dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. IV. Pp. 16–226. (In Russian)
4. Blaschkina T. D. *Atyur'yevskiy dialekt mokshanskogo yazyka* [Atyurevsky dialect of the Moksha language]. Saransk, 1974. 18 p. (In Russian)
5. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)

6. *Grammatika mordovskih yazykov: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages: phonetics and morphology]. Ed. M. N. Kolyadenkov, R. A. Zavodov. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1962. 374 p. (In Russian, Moksha, Erzya)
7. *Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Ed. D. V. Tsygankin. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
8. Devaev S. Z. *Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [The Middle Vad dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. Pp. 261–433. (In Russian)
9. Ivanova G. S., Butylov N. V., Saygutina K. I. *Predikativnoye spryazheniye ne glagolov v tsentral'nom dialekte moksha-mordovskogo yazyka* [Predicative conjugation of non-verbs in the Central dialect of the Moksha-Mordvin language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, no. 16 (5), pp. 1434–1439. (In Russian)
10. Ivanova G. S., Vodyasova L. P., Ivanova N. V. *Stanovleniye sistemy vokalizma mokshanskikh govorov ruzayevskogo areala* [Formation of the vocalism system of the Moksha dialects of the Ruzaevka area]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2025, no. 15 (2/60), pp. 238–246. (In Russian)
11. Ivanova G. S., Vodyasova L. P., Ivanova N. V. *Morfologicheskiye osobennosti v paradigme osnovnogo skloneniya v suzgar'yevskom tipe mokshanskikh govorov ruzayevskogo areala* [Morphonological features in the paradigm of the main declension in the Suzgar type of Moksha subdialects of the Ruzaevka area]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2025, no. 17 (1), pp. 21–34. (In Russian)
12. Ivanova G. S., Ivanova N. V., Saygutina K. I. *Foneticheskaya sistema ruzayevskikh govorov perkhlyayskogo tipa (sravnitel'nyy aspekt)* [Phonetic system of the Ruzaevka subdialects of Perkhlyaj type (comparative aspect)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education], 2025, no. 16 (2/62), pp. 137–143 (In Russian)
13. Lipatov S. I. *Rybkinsko-mamolayevskiy govory moksha-mordovskogo yazyka* [Rybkino-Mamolaevo subdialects of the Moksha-Mordovian language]. Tartu, 1972. 24 p. (In Russian)
14. Maytinskaya K. E. *Sravnitel'naya morfologiya finno-ugorskih yazykov* [Comparative morphology of Finno-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Issues of origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Pp. 316–326. (In Russian)
15. Matyushkin P. G. *Obektnoe spryazheniye glagola v mordovskih yazykakh* [Object conjugation of a verb in the Mordovian languages]. Tartu, 1973. 20 p. (In Russian)
16. *Mokshen' kyal'. Morfologiya* [Moksha language. Morphology]. Ed. N. S. Alyamkin. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 2000. 236 p. (In Moksha)
17. Plaksina T. A. *Areal'noye issledovaniye severo-zapadnykh govorov moksha-mordovskogo yazyka* [Areal study of the Northwestern dialects of the Moksha-Mordovian language]. Saransk, 2002. 17 p. (In Russian)
18. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 389 p. (In Russian)
19. Ahlqvist A. *Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik*. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p. (In German)
20. Budenz J. *Moksa – és erza-mordvin nyelvtan. Nyelvtudományi Közlemények XIII*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1877. Pp. 82–101. (In Hungarian)
21. Keresztes L. *Development of Mordvin Definite Conjugation*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 266 p. (MSFOu, 233). (In English)
22. Paasonen H. *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss*. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1953. 159 p. (In German)
23. Feoktistov A. P. *Dialects of Mordovian languages*. H. Paasonens. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Галина Софроновна, профессор кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Иванова Наталья Васильевна, преподаватель кафедры английского языка, Морская техническая академия им. адмирала Д. Н. Сенявина (198260, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр. Народного Ополчения, д. 189), кандидат филологических наук.

nataliva1990@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6860-1003

ABOUT THE AUTHORS

Ivanova Galina Sofronovna, Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Ivanova Natalya Vasilyevna, Lecturer, English Language Department, Admiral Senyavin Maritime Technical Academy of St. Petersburg (198260, Russian Federation, Saint-Petersburg, Narodnogo Opolcheniya Avenue, 189), Candidate of Philological Sciences.

nataliva1990@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6860-1003